

Н. А. Самойлов

Иван Яковлевич Коростовец — российский дипломат и знаток Китая

Иван Яковлевич Коростовец (1862–1933) относится к числу выдающихся и в то же время незаслуженно забытых российских дипломатов конца XIX — первой половины XX в. На протяжении своей жизни он занимал многие дипломатические посты: был секретарем российских дипломатических миссий в Рио-де-Жанейро и Лиссабоне, генеральным консулом в Бушире, посланником в Персии, участвовал в российско-японских переговорах и подписании Портсмутского мирного договора в 1905 г. Однако важнейшие события в дипломатической карьере И. Я. Коростовца связаны прежде всего с Китаем.

Его имя часто упоминается на страницах исследований и обобщающих работ по истории российско-китайских и российско-монгольских отношений, однако лишь в самые последние годы начали появляться статьи, непосредственно посвященные отдельным периодам его жизни и деятельности.

Наиболее подробно основные факты биографии И. Я. Коростовца были изложены в обстоятельной статье С. Л. Туриловой и А. А. Орлова¹, основанной на документах, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) МИД РФ. Авторы рассматривают различные этапы деятельности этого дипломата, отмечают его заслуги в установлении договорных отношений между Россией и Монголией и в то же время указывают на то, что «личный архив Коростовца... как и его научное и литературное наследие, еще ждут своего исследователя»². Статья Е. И. Нестеровой «Воспоминания И. Я. Коростовца как источник по истории русской миссии в Пе-

Самойлов

Николай Анатольевич

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено за счет
гранта РНФ, проект
№ 22-28-00858
«Российские
дипломаты в Китае
(2-я половина
XIX — начало XX вв.):
внешнеполитическое
и социокультурное
измерения»,
[https://rscf.ru/
project/22-28-00858/](https://rscf.ru/project/22-28-00858/)

кине (1890-е гг.)»³ представляет собой пересказ страниц из неопубликованных мемуаров дипломата, хранящихся в фондах АВГ РИ, и не содержит глубоких обобщений⁴.

Изучению той роли, которую сыграл И. Я. Коростовец в подписании в 1911 г. российско-китайского Цицикарского пограничного протокола, именуемого в Китае Договором о границе у станции Маньчжурия (Маньчжоули) (滿洲里界約), посвящены статья А. Н. Хохлова⁵ и соответствующие страницы в монографии академика В. С. Мясникова «Договорными статьями утвердили», включенной в 3-й том его Сочинений⁶.

Монгольский период деятельности этого дипломата и его личный вклад в становление отношений Монголии и России отражены на страницах монографии А. А. Сизовой⁷ и в работах монгольского ученого О. Батсайхана⁸.

И хотя почти все упомянутые авторы пишут о том, что И. Я. Коростовец очень хорошо знал Китай и понимал его специфику, однако исследования, непосредственно посвященные китаеведной составляющей его деятельности, на данный момент отсутствуют. Исходя из этого, цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть деятельность И. Я. Коростовца на различных дипломатических должностях в Цинской империи и дать оценку его публикациям о Китае, показав, насколько глубоко он сумел постичь особенности политического развития, историю и культуру этой страны.

И. Я. Коростовец впервые оказался в Китае в конце XIX в., когда российская дипломатия активизировала свои усилия на восточноазиатском направлении. В то время в странах Дальнего Востока работали многие видные дипломаты, сыгравшие значительную роль в развитии отношений России с государствами этого региона. Среди них было немало талантливых профессионалов — знатоков своего дела, беззаветно преданных своему Отечеству.

Российских дипломатов, служивших на ответственных постах в Китае во второй половине XIX — начале XX в. можно разделить на две большие группы. Первая — это, как принято теперь говорить, «карьерные» дипломаты — выпускники привилегированных учебных заведений, обеспечивавших в то время Министерство иностранных дел хорошо подготовленными кадрами, таких как Императорский Александровский (до 1844 г. — Царскосельский⁹) лицей или Пажеский корпус (посланники Е. К. Бюцов, А. П. Кассини, В. Н. Крупенский, М. Н. Гирс), а также военные (Л. Ф. Баллюзек, А. Г. Влангали). Ко второй группе следует отнести тех, кто получил профессиональную востоковедную подготовку, в основном в стенах Санкт-Петербургского университета (К. И. Вебер, Г. А. Плансон, Д. Д. Покотилов), поскольку, начиная с первых выпусков факультета восточных языков, всегда находились молодые люди, избравшие дипломатическую карьеру и достигавшие больших успехов на данном поприще.

Однако совершенно особое место в этой когорте занимает Иван Яковлевич Коростовец, сыгравший очень заметную роль в отношениях России с Китаем и не меньшую в становлении российско-монгольских отношений, так как именно он по поручению российского правительства подписал 21 октября (3 ноября) 1912 г. в Урге русско-монгольское соглашение о признании автономии Внешней Монголии¹⁰. Не имея специального востоковедного

образования и изначально не владея китайским языком, И. Я. Коростовец сумел настолько глубоко понять специфику Китая и вникнуть в особенности китайской действительности, что стал одним из лучших для своего времени знатоков этой страны.

Дворянин по происхождению, родом из Полтавской губернии, И. Я. Коростовец учился в престижном Императорском Александровском лицее и после его окончания в 1884 г. был принят на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Прослужив там шесть лет и занимаясь в основном канцелярской работой, И. Я. Коростовец в 1890 г. получил назначение на должность второго секретаря российской дипломатической миссии в Пекине, где прослужил до 1894 г. С этого времени начинается его знакомство с Китаем.

И. Я. Коростовец сразу же заинтересовался страной, в которую был направлен, проявляя незаурядную наблюдательность и вникая в суть происходивших событий. Он знакомился с повседневной жизнью Пекина и изучал исторические достопримечательности. Сохранились его колоритные описания пекинских улиц, демонстрирующие чрезвычайно высокую плотность населения в китайской столице: «По сравнению с другими городами Востока меня поразила скученность и оживление на улицах... Разносчики, продавцы, уличные повара, которые тут же готовили свои жирные пирожки и пельмени, варили суп, лапшу и разную прочую снедь в переносных котлах на жаровнях... Несмотря на тесноту и скопление, несмотря на невообразимую давку толпа плавно движется вперед, и сзади нее несутся всадники, идут караваны и медленно выгружают телеги и носилки всех родов и цветов...»¹¹

Российский дипломат подробно описывал городские стены, башни и древние храмы, в большом количестве сохранившиеся в Пекине. Упомянул он и знаменитый парк Цзиншань, созданный на вершине и склонах угольной горы и вошедший в историю тем, что там на одном из деревьев повесился последний император династии Мин. Правда, И. Я. Коростовец считал, что император поступил так, «чтобы не попасть в руки победоносных маньчжуров»¹², хотя на самом деле тот покончил с собой в 1644 г. во время захвата столицы армией крестьянских повстанцев во главе с Ли Цзычэном.

Прибыв в Пекин, И. Я. Коростовец сразу же вошел в курс дел и включился в работу дипломатической миссии. Когда в начале 1891 г. было получено сообщение о приезде цесаревича Николая Александровича в Китай и началась подготовка к встрече, И. Я. Коростовец принял в этом активное участие.

Вскоре после визита наследника-цесаревича в Пекин прибыл новый российский посланник — граф Артур Павлович Кассини¹³. И. Я. Коростовец отнесся к этому высокопоставленному кадровому дипломату весьма критично, и их отношения в дальнейшем были крайне натянутыми. В своих воспоминаниях он писал, что «Кассини принадлежал к числу тех иностранцев, которые делались русскими дипломатами по протекции двора или кого-либо из высших сановников»¹⁴. Особое неприятие у Коростовца вызывало то, что посланник плохо разбирался в китайских делах и слабо знал страну пребывания. Дипломат подчеркивал, что Кассини «имел весьма смутное представление о географии Китая и об исторических связях России с этой империей. Китай был для него

туманным пятном, а китайские сановники казались людьми с другой планеты»¹⁵. Ситуацию, по мнению И. Я. Коростовца, спасало лишь то, что несведущему в китайских делах посланнику активно помогал опытный сотрудник посольства А. И. Павлов, который мог дать справку по любому вопросу, а общение с китайцами и все важные переговоры принял на себя опытный китаевед П. С. Попов¹⁶, «представлявший целый кладезь китайской премудрости и языка»¹⁷.

И. Я. Коростовец отмечал, что А. П. Кассини очень редко посещал Цзунли ямэнь (учреждение, выполнявшее в тот период функции министерства иностранных дел Цинской империи), в основном для личных переговоров с великим князем Цином¹⁸, довольствуясь «разговорами общего характера» и уверениями со стороны китайцев в «двухсотлетней дружбе соседних империй», а все текущие дела решались драгоманами миссии, т. е. профессиональными китаистами. Ключевую роль в этих контактах с цинскими чиновниками и дипломатами всегда играл П. С. Попов, прекрасно владевший китайским и маньчжурским языками.

За четыре года, проведенные в Пекине, И. Я. Коростовец не только освоился в далекой дальневосточной стране, стремясь быть осведомленным во всех текущих делах, но и начал активно интересоваться историей, культурой, религией и традициями Китая, а также особенностями взаимоотношений Китая с Россией и западными державами. Ничто не ускользало от наблюдательного взгляда молодого дипломата.

С первых дней своего пребывания в Пекине И. Я. Коростовец осознал, что вести дела в этой стране можно, только хорошо ориентируясь в современном внутреннем положении и зная историю китайского государства. Он погрузился в изучение этих вопросов, сумел проанализировать и обобщить собранный материал и написать целую серию серьезных статей о Китае, которые публиковал в российских журналах. Судя по их содержанию, дипломата интересовали самые разные аспекты внутренней жизни Китая и его внешней политики: демографические и социальные вопросы¹⁹, административное устройство Цинской империи²⁰, судопроизводство²¹, система образования²², сельское хозяйство и чаеводство²³, иностранная торговля и денежное обращение²⁴, китайский театр и музыка²⁵, философия²⁶ и религиозные верования²⁷, миссионерская деятельность западных миссионеров и возникавшие в ответ на это антиевропейские движения²⁸, история Русской духовной миссии в Китае²⁹ и многое другое. Удивительно, как много серьезных статей по самым разным вопросам успел написать И. Я. Коростовец за короткое время, но самое главное, что накопленные знания он активно использовал в своей практической деятельности.

Однако отношения И. Я. Коростовца и посланника А. П. Кассини так и не сложились, а в конце концов обострились до такой степени, что он был отправлен в Петербург, где получил новое назначение. Однако Иван Яковлевич продолжал обрабатывать и анализировать материал, собранный в Китае. В промежутке между двумя командировками (в Рио-де-Жанейро и Лиссабон) в 1896 г. он издал в Петербурге книгу «Китайцы и их цивилизация» (второе издание вышло в 1898 г.), в которой обобщил не только все, что им было написано ранее, но и обогатил ее новым материалом.

В 1899 г. И. Я. Коростовец вновь оказался на территории Китая — его назначили чиновником по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области вице-адмирале Е. И. Алексееве. В июне 1900 г. в разгар восстания ихэтуаней он в составе походного штаба Е. И. Алексеева оказался в Тяньцзине, где «помогал военному агенту полковнику К. И. Вогаку в выработке положения о временном управлении Тяньцзинем, который был покинут бежавшими из него китайскими властями»³⁰, а с 5 августа по 7 сентября 1901 г. временно управлял делами российского консульства. По окончании военных действий в Тяньцзинь прибыл крупнейший китайский сановник и государственный деятель Ли Хунчжан, с которым И. Я. Коростовец провел переговоры. За свою деятельность в эти годы он получил несколько государственных наград. В апреле 1902 г. И. Я. Коростовец был отозван из Китая и назначен генеральным консулом Российской империи в персидском городе-порте Бушир.

Однако его пребывание в Иране оказалось совсем недолгим, так как уже в июне того же года его вновь отозвали в Санкт-Петербург, где И. Я. Коростовец получил назначение на должность делопроизводителя в Первом (бывшем Азиатском) департаменте МИД. В Петербурге его застали известия о начале русско-японской войны, что он воспринял чрезвычайно болезненно, поскольку всегда являлся сторонником дипломатического урегулирования противоречий и споров со странами Восточной Азии и хорошо знал слабые стороны России на Дальнем Востоке.

Очевидно, именно дипломатическая компетентность И. Я. Коростовца и осведомленность в дальневосточных делах обусловили включение его в состав российской делегации на переговорах с Японией в Портсмуте в 1905 г. За проявленное усердие ему была объявлена высочайшая благодарность, после чего в марте 1906 г. его назначили вице-директором Первого департамента МИД³¹. Ход переговоров и заключение Портсмутского договора были подробно описаны самим И. Я. Коростовцем в дневнике, опубликованном в 1918 г.³²

После неожиданной кончины в Пекине 23 февраля 1908 г. российского посланника — известного китаеведа Д. Д. Покотилова на эту должность был назначен И. Я. Коростовец. Предложение о его назначении высказал императору министр иностранных дел А. П. Извольский в мае 1908 г., отметив, что И. Я. Коростовец дважды занимал ответственные посты в Китае и «даже принимал ближайшее участие в разрешении всех основных вопросов нашей дальневосточной политики»³³.

Николай II одобрил кандидатуру И. Я. Коростовца, и министр дал указание отправить в Пекин на имя первого секретаря российской дипломатической миссии Б. К. Арсеньева³⁴ секретную телеграмму, в которой говорилось: «Государь Император Высочайше соизволил на назначение Посланником в Пекин д. с. с. Коростовца, о чем будет официально опубликовано на днях»³⁵.

Русская пресса в целом положительно восприняла появившееся сообщение о назначении И. Я. Коростовца посланником в Цинской империи. Показательна в этом плане заметка, появившаяся в суворинском «Новом времени»: «По полученным нами поздно ночью сведениям, посланником в Пекин назначен И. Я. Коростовец. Молодой и блестящий дипломат пользуется как в литературе,

так и в служебном мире солидной репутацией одного из лучших знатоков дальневосточных дел, установившейся со времени его долгого пребывания в Порт-Артуре... Мы приветствуем назначение И. Я. Коростовца, видя в этом выборе проявление новых и весьма симпатичных веяний»³⁶.

Вместе с тем И. Я. Коростовец прекрасно понимал всю ответственность назначения на эту должность и трудности предстоящей работы, так как в то время Цинская империя переживала самый сложный период своего развития. В Китае углублялся внутривластный кризис, назревала революция. В этих условиях России нужно было четко определить отношение как к самому Китаю, так и к политике держав, имевших в то время свои интересы в этой стране. К тому же И. Я. Коростовцу предстояло сменить в этой должности Д. Д. Покотилова, который был не только хорошим дипломатом, но и всесторонне образованным китаистом. В публикациях российской печати, следовавших за его скоростной кончиной в Пекине, подчеркивалось, что это был «человек большого ума и энергии», прекрасно знавший «ту страну, в которой он являлся официальным представителем России»³⁷. Д. Д. Покотиллов блестяще владел китайским языком и хорошо понимал Китай, сочетая в себе лучшие качества ученого-синолога и китаиста-практика.

Прибыв в Пекин и войдя в курс дела, И. Я. Коростовец помимо текущей работы занялся изучением внутривластной ситуации в Китае. Каждое его письмо в Петербург представляет собой серьезную аналитическую записку, в которой содержится важная и актуальная информация о текущем положении дел.

В письме от 12 (25) декабря 1908 г., адресованном министру иностранных дел А. П. Извольскому, И. Я. Коростовец подробно описал ситуацию, сложившуюся после кончины императора Гуансюя и вдовствующей императрицы Цыси, отметив, что в связи с общегосударственным трауром в Китае наблюдается политическое затишье. При этом он кратко изложил свои соображения относительно происходящих событий. В частности, узнав о намерении японцев послать видного сановника на церемонию погребения, И. Я. Коростовец рекомендовал российскому Министерству иностранных дел сделать то же самое: «Думаю, что такой шаг будет полезен во всех отношениях»³⁸.

Также он написал о своих контактах с далай-ламой во время его трехмесячного пребывания в Пекине, отметив, что «сделал все что мог, чтобы помочь ему разобраться в довольно запутанном положении, не компрометируя себя в глазах китайцев»³⁹.

Пробыв год в должности посланника и анализируя прошедший период, И. Я. Коростовец писал товарищу министра иностранных дел С. Д. Сазонову: «Мне кажется, что за год моего пребывания в Пекине наши отношения с Китаем, если не улучшились в смысле искренности и доверия, то стали более нормальными относительно желания договориться. Приписываю это не себе, а общему политическому положению в Европе и на Дальнем Востоке, в частности крайней агрессивности Японии, все более и более теснящей Китай»⁴⁰.

Особое внимание он уделил характеристикам тех людей, которые оказались у власти после кончины императора и вдовствующей императрицы

Цыси. Он отметил, что «с вступлением в управление регента⁴¹ прежняя шаткая политика стала как будто бы еще менее устойчивой»⁴². Давая весьма лестную оценку личным качествам нового правителя Китая («сам регент — человек благожелательный и не лишенный дарований, но окружен людьми весьма посредственными»⁴³), И. Я. Коростовец заметил, что в деле проведения реформ он очень нерешителен.

По мнению посланника, наибольшим влиянием при дворе в то время обладали великий князь Цин и его сыновья, а также вдовствующая императрица Луньюй (вдова покойного императора Гуансюя) и ее родственники. Из прежних авторитетных советников остался лишь совсем одряхлевший Чжан Чжидун⁴⁴. С явным сожалением И. Я. Коростовец отмечал, что при дворе очень заметно отсутствие Юань Шикая⁴⁵: «При всех своих недостатках он все же был энергичный и предприимчивый человек, а таких в Китае мало»⁴⁶, но о возвращении его к власти в тот момент речи не было.

Работавший под началом И. Я. Коростовца дипломат Д. И. Абрикосов⁴⁷ так охарактеризовал своего начальника: «Посланник был эксцентричный человек, большой циник, но блестящий политик»⁴⁸, «его остроумные беседы были особым наслаждением моей пекинской жизни»⁴⁹, а русская дипломатическая миссия при нем превратилась в центр общественной жизни. Подчеркивая осведомленность и компетентность Коростовца в дальневосточных делах, Абрикосов объяснял это тем, что основная часть дипломатической карьеры посланника была связана с Китаем. Д. И. Абрикосов также обратил внимание на то, что И. Я. Коростовец предсказал начало русско-японской войны и хорошо проявил себя во время работы на Портсмутской мирной конференции.

В конце периода своей работы на посту посланника в Пекине И. Я. Коростовец сосредоточился на подготовке Цицикарского протокола, который был подписан 7 декабря 1911 г. и стал последним в длинной череде договоров о границе между Россией и Цинской империей. В нем шла речь о пограничном размежевании в районе реки Аргунь и железнодорожной станции Маньчжурия, и, как писал академик В. С. Мясников, достигнутый компромисс, стал возможен благодаря инициативам И. Я. Коростовца⁵⁰.

Однако несмотря на явные успехи, достигнутые во время работы в китайской столице, И. Я. Коростовец оставил свой пост и покинул Пекин, чтобы продолжить работу в Петербурге. В августе 1912 г. он был командирован в Ургу и сыграл ключевую роль в заключении соглашения с Монголией.

Историческое соглашение между Россией и Внешней Монголией о признании ее автономии было подписано 21 октября (3 ноября) 1912 г. Современные монгольские историки называют этот документ Монголо-русским договором о дружбе⁵¹. Профессор О. Батсайхан отмечает, что «после провозглашения Монголией своей независимости данный договор стал первым официальным правовым документом для определения статуса Монголии на международной арене»⁵². Российская империя подписанием данного договора официально признала монгольское правительство, рассматривая Монголию в качестве правомочного субъекта международных отношений. О. Батсайхан пишет по этому поводу следующее: «Объявление всему миру о подписании

данного договора, по сути, было фактом признания нашего государства и его названия “Монголия”⁵³. Он также считает, что И. Я. Коростовец сделал очень многое для признания самостоятельности Монголии: «Я убежден в том, что И. Я. Коростовец представлял интересы Российской империи, но эти интересы сыграли многое для сохранения и совершенствования самостоятельности Монголии... Несомненно, И. Я. Коростовец является одним из инициаторов заключения российско-монгольского договора о дружбе 1912 г., а также, на наш взгляд, является дипломатом, внесшим достойный вклад в укрепление российско-монгольских отношений и их развитие в XX в.»⁵⁴.

Подписание данного договора стало большим успехом дипломатии Российской империи и ее яркого представителя — И. Я. Коростовца. В современной Монголии сохраняют память о российском дипломате и относятся к нему с большим уважением. 3 ноября 2014 г. в Улан-Баторе состоялось торжественное открытие памятника И. Я. Коростовцу⁵⁵.

Февральскую революцию 1917 г. И. Я. Коростовец принял весьма настороженно. Дипломат Г. Н. Михайловский⁵⁶ вспоминал, что в беседе с американским послом Френсисом, восторженно отзывавшимся о «бескровности» русской революции, о «выдержке и политической зрелости русского народа», его «мягкости и благодущии», а также об «отсутствии злопамятности», Иван Яковлевич заявил, «что даже его, Коростовца, внуки не увидят конца русской только что начавшейся революции»⁵⁷. И хотя Временное правительство рассматривало вопрос о его назначении на должность посла в США или в Мексике, это назначение так и не состоялось.

К большевикам, пришедшим к власти в октябре 1917 г., И. Я. Коростовец отнесся еще более негативно, чем к Временному правительству. И хотя в феврале 1918 г. он встретился с наркомом Г. В. Чичериным, но отказался от его предложения о поступлении на советскую службу, указав на «расхождения во взглядах и отсутствие взаимного доверия»⁵⁸.

Вскоре И. Я. Коростовец перебрался в Киев, где получил должность товарища министра иностранных дел в правительстве гетмана Скоропадского⁵⁹. Одним из важных направлений его работы в то время стало укомплектование украинского МИД дипломатическими кадрами. Однако, несмотря на бурную деятельность, развернутую им в министерстве, он, будучи прекрасным аналитиком, понимал, что его служба в украинском МИД скоро закончится, поскольку режим гетмана казался непрочным. В этой связи очень показательна фраза, сказанная им Г. Н. Михайловскому: «Сейчас же мы в полном бездорожье. Наша “Украина” гроша ломаного не стоит, но мы вынуждены за нее цепляться *faute de mieux* [за неимением лучшего]»⁶⁰. И в конце концов И. Я. Коростовец принял решение эмигрировать.

В следующий раз Г. Н. Михайловский встретил И. Я. Коростовца уже в Лондоне, где тот жил в небольшом коттедже: «Он был весьма приветлив и вспоминал разные наши встречи и разговоры, в частности свои пессимистические прогнозы в начале Февральской революции, которые теперь, увы, сбывались»⁶¹. Как и большинство из тех, кому довелось работать или встречаться

с И. Я. Коростовцем, Г. Н. Михайловский утверждал, что Иван Яковлевич был «одним из самых умных наших дипломатов»⁶².

Все последующие годы И. Я. Коростовец жил в Европе, но в 1921 г. вновь посетил Китай, который по праву мог называть своей второй родиной, став одним из учредителей Русского благотворительного общества в Пекине. Скончался он в 1933 г. в Париже.

В заключение следует отметить, что И. Я. Коростовец вошел в историю не только как успешный дипломат, но и как автор интересных работ о Китае. Для того, чтобы понять всю глубину постижения российским дипломатом китайских реалий, истории этой великой страны и ее современного положения, следует остановиться на содержании выдержавшей два издания книги И. Я. Коростовца «Китайцы и их цивилизация»⁶³.

В Предисловии к этому труду автор четко охарактеризовал его актуальность и задачи. Обратив внимание на явную нехватку в России популярных работ о Китае, написанных профессионалами, И. Я. Коростовец отметил, что западные писатели и публицисты уже давно поняли, что Китай представляет интерес не только для синологов и иных специалистов, но важен для всех образованных людей, а поскольку русских связывает с ним не только общая государственная граница, но и исторические узы, для нашей страны очень важно, чтобы читающая публика получала больше сведений о Китае. В то время как «замечательные труды и исследования» русских синологов оставались, по мнению автора, достоянием лишь избранного круга специалистов, массовому читателю приходилось довольствоваться сочинениями иностранных авторов. Приступая к написанию своей книги, И. Я. Коростовец прежде всего думал о том, как заполнить этот существенный пробел. И следует признать, что это у него получилось. Книга «Китайцы и их цивилизация» стала одной из лучших популярных и доходчиво написанных работ о Китае, появившихся в России на рубеже XX в.

В своей книге И. Я. Коростовец подробно рассмотрел экономические и социальные аспекты жизни китайского общества, государственное устройство, финансовую систему, торговлю, философские и религиозные учения, особенности взаимоотношений Китая с другими странами, включая Россию. Остановился он и на особенностях национального характера китайцев и на их отличиях от европейцев. Автор высказал мнение, что китайской нации в целом присущ консерватизм, который иногда «преступает пределы разумного» и вызывает пренебрежение ко всему некитайскому, а из этого проистекает боязнь реформ и преобразований. Второй важной чертой китайского национального характера он считал необычайную жизнестойкость, основанную на неприхотливости и выносливости, что, в свою очередь, является причиной колоссального терпения китайцев и обуславливает их способность переносить любые тяготы.

Можно констатировать, что И. Я. Коростовец блестяще справился с поставленной перед собой задачей, и его книга смогла познакомить российскую читательскую аудиторию со многими сторонами китайской жизни, с историей и культурой этой страны. По сути, он написал популярную энциклопедию, в ко-

торой содержалась интересная и важная информация. Современные китаеведы по праву включают эту книгу в число лучших работ о Китае.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что Иван Яковлевич Коростовец оказался не только незаурядным дипломатом, способным решать сложнейшие внешнеполитические задачи, но и большим знатоком Китая — популяризатором знаний об этой стране. Его труды не утратили своего значения и сегодня.

¹ Турилова С. Л., Орлов А. А. И. Я. Коростовец — российский дипломат, ученый, литератор // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2015. С. 208–220.

² Там же. С. 219.

³ Нестерова Е. И. Воспоминания И. Я. Коростовца как источник по истории русской миссии в Пекине (1890-е гг.) // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния: материалы IV Междунар. заочной науч.-практ. конф., Благовещенск, 1–15 окт. 2012 г. Благовещенск, 2013. С. 36–42.

⁴ Следует заметить, что в статье присутствуют неточности, обусловленные заимствованием из архивных материалов написания китайских географических названий и терминов без их сверки с современной научной транскрипцией. Так, например, в тексте статьи говорится о реке Пейхо, которая на самом деле носит название Хайхэ (海河, «Морская река»), а в верхнем течении — Байхэ (白河, «Белая река»), откуда и возникло искаженное написание «Пейхо», использовавшееся в конце XIX в. Там же город Тяньцзинь назван Тяньцзином: «Из Тяньцзина в Пекин добирались по р. Пейхо» (Нестерова Е. И. Воспоминания И. Я. Коростовца... С. 39).

⁵ Хохлов А. Н. Российский дипломат И. Я. Коростовец и его роль в подготовке ццикарского протокола 1911 г. // Общество и государство в Китае. Т. 42, № 2. М., 2012. С. 259–275.

⁶ Мясников В. С. Кастальский ключ китаеведа: сочинения в 7 т. Т. 3. М., 2014.

⁷ Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М., 2015.

⁸ Батсайхан О. Монголо-русский договор о дружбе 1912 г. и И. Я. Коростовец // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2012. № 1. С. 126–139.

⁹ Уже из первого выпуска (1817 г.) на службу в Министерство иностранных дел были направлены А. С. Пушкин, А. М. Горчаков, С. Г. Ломоносов, В. К. Кюхельбекер, П. Ф. Гревениц, П. М. Юдин.

¹⁰ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В. С. Мясникова. М., 2004. С. 552–557.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 340 (Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. Личный фонд И. Я. Коростовца). Оп. 839. Д. 3 (Коростовец. Мемуары. «Доброе старое время»). Л. 35.

¹² Там же.

¹³ Кассини Артур Павлович (1835–1919) — потомственный дипломат. В 1854 г. окончил Александровский лицей. В 1888 г. был назначен резидентом при Ганзейских вольных городах в Гамбурге. В 1891–1896 гг. — посланник в Китае, в 1897–1904 гг. — посол в США, в 1905–1909 гг. — посол в Испании.

¹⁴ АВП РИ. Ф. 340. Л. 56.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Попов Павел Степанович (1842–1913) — русский дипломат и китаевед, старший драгман дипломатической миссии и генеральный консул в Пекине. В 1870 г. окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. В 1888 г. подготовил для публикации и издал в Пекине «Китайско-русский словарь», начатый архимандритом Палладием (Кафаро-

вым), за что получил звание члена-корреспондента Императорской академии наук. Выйдя в отставку, с 1902 г. преподавал в Санкт-Петербургском университете, занимался научной работой, перевел сочинения древнекитайских мыслителей.

¹⁷ АВП РИ. Ф. 340. Л. 56.

¹⁸ Икуан, великий князь Цин (1838–1917) — крупный маньчжурский сановник, правнук императора Цяньлуна. В марте 1884 г. был назначен руководителем Цзунли ямэня.

¹⁹ *Коростовец И. Я.* Движение населения в Китае // Сибирский сборник. 1894. Вып. 3. С. 11–22.

²⁰ *Коростовец И. Я.* Административное устройство и чиновничество Китая // Там же. Вып. 2. С. 9–40.

²¹ *Коростовец И. Я.* Суд и наказание в Китае // Север. 1894. № 4. С. 203–218.

²² *Коростовец И. Я.* Образование в Китае // Вестник Европы. 1892. Сент. С. 172–187.

²³ *Коростовец И. Я.* Сельское хозяйство и культура чая в Китае // Там же. Дек. С. 743–755.

²⁴ *К-вец [Коростовец] И. Я.* Иностранная торговля и денежное обращение в Китае // Сибирский сборник. 1895. № 2. С. 1–36; № 3. С. 54–63.

²⁵ *Коростовец И. Я.* Театр и музыка в Китае // Вестник Европы. 1894. Июнь. С. 594–616.

²⁶ *К. И. [Коростовец И. Я.]*. Конфуций и его учение // Русский вестник. 1895. № 2. С. 70–94.

²⁷ *К-оц [Коростовец И. Я.]*. Религиозные суеверия и предрассудки китайцев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 51. 1892. С. 91–105.

²⁸ *Коростовец И. Я.* Миссионерство в Китае и антиевропейское движение. Письмо из Пекина // Русский вестник. 1892. № 3. С. 3–19.

²⁹ *Коростовец И.* Русская Духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. Т. 3, № 9. С. 57–86.

³⁰ *Хохлов А. Н.* Российский дипломат И. Я. Коростовец... С. 259.

³¹ *Турилова С. Л., Орлов А. А.* И. Я. Коростовец — российский дипломат, ученый, литератор. С. 211.

³² Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И. Я. Коростовца, секретаря графа С. Ю. Витге во время Портсмутской конференции. Июль — сентябрь 1905 г. // Былое. 1918. № 1. С. 177–220; № 2. С. 110–146; № 3 (на обложке: кн. 3, № 9). С. 58–85; кн. 6, № 12. С. 154–182.

³³ АВП РИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 1876. Л. 7 об.

³⁴ Арсеньев Борис Константинович (1874–1925) — русский дипломат. В 1896 г. окончил Императорский Александровский лицей. Служил в дипломатических представительствах России в Яссах, Бейруте, Токио и Афинах. В 1909–1910 гг. — 1-й секретарь российской дипломатической миссии в Пекине, оказывал содействие полковнику Маннергейму в ходе его экспедиции по Китаю. В 1910–1912 гг. — генеральный консул в Бомбее, а затем в Калькутте. В 1912 г. встретился с Далай-ламой XIII и передал ему письмо Николая II.

³⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1876. Л. 9.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Нива. 1908. № 11. С. 216.

³⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1876. Л. 49–49 об.

³⁹ Там же. Л. 50.

⁴⁰ Там же. Л. 53–53 об.

⁴¹ Имеется в виду великий князь Чунь (Айсиньгёро Цзайфэн, 1883–1951), родной брат императора Гуансюя. В 1908–1911 гг. он был регентом при малолетнем сыне — императоре Пу И.

⁴² АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1876. Л. 53 об. — 54.

⁴³ Там же. Л. 54.

⁴⁴ Чжан Чжидун (1837–1909) — крупнейший китайский сановник конца правления династии Цин. Приверженец контролируемых реформ.

⁴⁵ Юань Шикай (1859–1916) — китайский военный и государственный деятель. В 1901–1908 гг. — губернатор столичной провинции и командующий Бэйянской армией. В 1908 г. был

лишен всех своих постов и отправлен в ссылку по указанию регента, который первоначально собирался его казнить. В 1912–1916 гг. — президент Китайской Республики.

⁴⁶ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1876. Л. 54 об.

⁴⁷ Абрикосов Дмитрий Иванович (1876–1951) — русский дипломат. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1908 г. был назначен вторым секретарем российской дипломатической миссии в Китае, а в 1912 г. — вторым секретарем посольства в Японии. После 1917 г. — в эмиграции.

⁴⁸ Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата. М., 2008. С. 205.

⁴⁹ Там же. С. 206.

⁵⁰ Мясников В. С. Кастальский ключ... С. 338–339.

⁵¹ Батсайхан О. Монголо-русский договор о дружбе 1912 г. и И. Я. Коростовец. С. 126.

⁵² Там же. С. 137.

⁵³ Там же. С. 138.

⁵⁴ Там же. С. 137.

⁵⁵ В Монголии открыт памятник российскому дипломату Ивану Коростовцу // Всемирная Россия: интернет-портал. 08.09.2014. URL: <https://vseruss.com/index.php?p=4&catId=4&newsId=18863> (дата обращения: 21.01.2022).

⁵⁶ Михайловский Георгий Николаевич (1890–1946) — русский юрист и дипломат, сын писателя Н. Г. Гарина-Михайловского. В 1914–1917 гг. служил в МИД. В 1918–1920 гг. сотрудничал во внешнеполитических учреждениях Белого движения. С февраля 1920 г. — в эмиграции.

⁵⁷ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920: в 2-х кн. Кн. 1. М., 1993. С. 249.

⁵⁸ Турилова С. Л., Орлов А. А. И. Я. Коростовец — российский дипломат, ученый, литератор. С. 215.

⁵⁹ Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 2. С. 128.

⁶⁰ Там же. С. 140.

⁶¹ Там же. С. 434.

⁶² Там же. С. 437.

⁶³ Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898.

Статья поступила в редакцию 21 января 2022 г.

Рекомендована к печати 8 мая 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Самойлов Н. А. Иван Яковлевич Коростовец — российский дипломат и знаток Китая // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 596–609.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.304>

Аннотация: Статья посвящена выдающемуся российскому дипломату конца XIX — начала XX в. Ивану Яковлевичу Коростовцу (1862–1933), сыгравшему заметную роль в развитии отношений России с Китаем и не меньшую в становлении российско-монгольских отношений. Не будучи китаеведом по образованию и изначально не владея китайским языком, И. Я. Коростовец сумел настолько глубоко понять специфику Китая и проникнуть в особенности китайской действительности, что оказался одним из лучших для своего времени знатоков этой страны. Он активно популяризировал знания о Китае среди российской общественности, публикуя книги и статьи на эту тему. На рубеже XX в. Коростовец был одним из самых авторитетных дипломатов Российской империи и активно продвигал российскую политику в Китае и Внешней Монголии. Глубоко понимая геополитические интересы Российской империи на Дальнем Востоке, он смог четко сформулировать основные цели политики России в этом регионе в тот момент, когда в Китае вспыхнула Синьхайская революция. К сожалению, после 1917 г. И. Я. Коростовец не смог найти себе места на дипломатическом поприще, но стал автором многих опубликованных и неопубликованных работ по истории дипломатии и международных отношений на Дальнем Востоке.

В настоящей статье рассмотрена деятельность И. Я. Коростовца на различных дипломатических должностях в Китае, оценена его роль в развитии российско-китайских отношений, а также проанализированы его статьи и книги о Китае и показано, как глубоко он сумел постичь особенности политического развития, историю и культуру этой страны.

Ключевые слова: И. Я. Коростовец, дипломатия, Китай, Россия, Российская империя, российско-китайские отношения, Монголия, Пекин.

Сведения об авторе: Самойлов Н. А. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); n.samoylov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Samoylov N. A. 'Ivan Korostovetz — Russian Diplomat and Expert on China', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 3, 2022, pp. 596–609. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.304> (In Russian)

Abstract: Ivan Yakovlevich Korostovetz (1862–1933) was one of the most prominent Russian diplomats of the late 19th and early 20th centuries. He played an extremely important role in the developing Russian-Chinese relations and a no less significant part in the development of Russian-Mongolian ties. Not a sinologist by education, and at the start not speaking Chinese, Korostovetz could understand the specifics of China so deeply and delve into the peculiarities of Chinese realities that he became one of the best experts on China at that time. Korostovetz actively popularized his knowledge on China among the Russian public by writing books and articles about the country. At the turn of the 20th century, Korostovetz became one of the most capable diplomats in the Russian Empire and contributed to an active Russian policy in China and Outer Mongolia. Having a deep understanding of the Russian geopolitical interests in the Far East, he was able to clearly formulate the main goals of Russia's policy in this region at the time when the Xinhai revolution broke out in China. Unfortunately, after 1917, Korostovetz failed to find a place for himself in the diplomatic field, and so he became the author of many published and unpublished works on the history of diplomacy and international relations in the Far East. The purpose of this article is to give an overview of Korostovetz' activities in various diplomatic positions in China and evaluate his role in the development of Russian-Chinese relations, as well as analyze his articles and books about China and show the depth in which he understood political development, history and culture of this country.

Keywords: I. Ya. Korostovetz, diplomacy, China, Russia, Russian Empire, Russian-Chinese relations, Mongolia, Beijing.

This research was supported by Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-28-00858 "Russian diplomats in China (2nd half of the 19th — early 20th centuries): political and socio-cultural dimensions", <https://rscf.ru/en/project/22-28-00858/>

Author: Samoylov N. A. — Dr. Sci. in History, Professor, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia); n.samoylov@spbu.ru

St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

References:

- Abrikosov D. I. *The Fate of the Russian Diplomat* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Batsaikhan O. 'Mongol-Russian Friendship Treaty of 1912 and I. Y. Korostovetz', *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii*, no. 1, 2012. (In Russian)
- Khokhlov A. N. 'Russian Diplomat I. Y. Korostovetz and his Role in the Preparation of the Qiqihar Protocol of 1911' in *State and Society in China*, vol. 42, no. 2 (Moscow, 2012). (In Russian)
- Mikhailovsky G. N. *Notes. From the History of the Russian Foreign Ministry, 1914–1920*, vol. 1–2 (Moscow, 1993). (In Russian)

Myasnikov V. S. *The Castalian spring of a Sinologist*, in 7 vols. (Moscow, 2014). (In Russian)

Nesterova E. I. 'Memoirs of I. Y. Korostovetz as a Source on the History of the Russian Mission in Beijing (1890s)' in *Rossia i Kitai: aspekty vzaimodeistviia i vzaimovliianiia: materialy IV Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Blagoveshchensk, 2013). (In Russian)

Sizova A. A. *The Consular Service of Russia in Mongolia (1861–1917)* (Moscow, 2015). (In Russian)

Turilova S. L., Orlov A. A. 'I. Y. Korostovetz — Russian Diplomat, Scholar, Writer' in *Rossia i Mongoliia v pervoi polovine XX veka: kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii (diplomatiia, ekonomika, nauka): sbornik nauchnykh trudov* (Ulaanbaatar — Irkutsk, 2015). (In Russian)

Received: January 21, 2022

Accepted: May 8, 2022